

УДК 821.521-3 Рампо 1/7.07

ВАЛЕНТИНА МУСИЙ

(Одесса)

СЮЖЕТНЫЙ МОТИВ ДВОЙНИЧЕСТВА В РАССКАЗЕ ЭДОГАВЫ РАМПО «БЛИЗНЕЦЫ»

Ключові слова: мотив, двійництво, семантичні опозиції, міфопоетика, психологізм, детектив, жанр, Е. Рампо.

Японский писатель Таро Хираи (1894–1965), избравший для себя в качестве псевдонима имя, созвучное Эдгару По, считается основоположником детективного жанра в японской литературе. Целью нашей статьи является изучение семантики и места в его рассказе «Близнецы» сюжетного мотива двойничества, что позволит определить особенности художественной манеры автора, а также выделить в произведении тот мифопоэтический подтекст, который является свидетельством универсального характера решаемых Э. Рампо проблем.

Рассказ «Близнецы» (1924) имеет кольцевую структуру: он начинается и заканчивается просьбой приговоренного к казни убийцы, исповедующегося перед священником, рассказать об услышанном другим. Таким образом, читатель сразу же получает информацию о том, чем завершится история героя (он будет казнен), и в результате его интерес переключается с развития событий (известен их финал), на то, как случившееся оценивает тот, кто совершил преступление, а также на характер повлиявших на него обстоятельств. Поскольку же исповедует не совсем тот человек, который совершал злодеяния (к моменту исповеди в нем, по его собственному признанию, проснулась совесть), получается, что герой смотрит на себя в прошлом с точки зрения себя в новом качестве. Это новое свое состояние он опре-

деляет следующим образом: «...даже в законченном злодее перед смертью просыпается что-то человеческое». Таким образом, герой предстает перед читателем в двух своих ипостасях: «он в момент совершения преступлений» vs «он в момент рассказа о нем». Исповедь становится способом самоанализа, мотивировки своего поведения и своей судьбы человеком, пережившим нравственное возрождение. Отсюда – возможность выделить в рассказе Э. Рампо мотив двойничества. Если же обратиться к названию произведения и тому, кто оказался жертвой преступления, то обнаружится, что он развивается не только на уровне оппозиции «герой-убийца/расскаившийся преступник». Приговоренный к казни сообщает о том, что у него был брат. Они появились на свет почти одновременно и были абсолютно похожи друг на друга, если не считать родинки на теле героя-преступника. И именно по отношению к брату и было совершено самое страшное его преступление, в котором он решился признаться во время исповеди. Однако определенная подготовка к усилению сходства с жертвой будущему убийце оказалась необходимой. Не ограничиваясь внешним сходством, он в течение месяца изучал привычки брата, его манеру одеваться и т. д. Мотив использования или же придания себе преступником сходства с жертвой – один из наиболее часто повторяющихся в произведениях Эдогавы Рампо. Он присутствует в «Дьяволе», «Плоде граната», «Волшебных чарах луны» и т. д. Комментируя последний из названных нами рассказов, Н. В. Бардина пишет: «Подражание предполагает реализованное отождествление, жажду отождествления себя с отдельной личностью, или представителем группы, или моральное принуждение к этому» [3, с. 271]. В «Близнецах» эта жажда отождествления себя с братом мотивируется завистью к его успешности и в материальном, и в интимном плане (девушка, в которую он был влюблен, стала женой брата). Он вспоминает: «Если действовать решительно и при этом осторожно, подумал я, можно без особого риска вернуть себе и деньги, и возлюбленную» [8, с. 167–168]. Внутреннее (что предполагало подавление им, ветреником и транжирой, собственной жажды наслаждений) он меняться не собирался. Поэтому результатом достигнутого им ценой жизни брата уподобления себя ему стало то, что он быстро растратил доставшееся ему богатство, а, следовательно, был вынужден планировать и осуществлять новые преступления, воруя деньги у знакомых брата, которые, принимая его за достойного в нравственном отношении человека, не могли заподозрить в низости. Но, в конечном итоге, после совершения нового убийства, преступник был разоблачен и приговорен к казни.

Помимо детективной линии, заключающейся в передаче истории преступления и обличения убийцы, в рассказе Э. Рампо не меньшее значение имеет его мифопоэтическая основа. Начнем с того, что сама по себе ситуация противостояния близнецов лежит в основе библейской истории о Кайне и Авеле. Но корни ее – гораздо глубже, в мифологии, в истории космогенеза: Геб и Нут, Шу и Тэфнут у египтян, Ану и Ки у шумеров. Ахурамазда, главный бог в иранской мифологии, считался братом-двойником злого духа Ахримана и так далее. «Братьев может быть много, – пишет Е. М. Мелетинский, – ... но из их числа выделяются двое (что, по-видимому, соответствует фратриальному делению) – «умный» и «глупый», т. е. положительный и отрицательный варианты культурного героя» [7, с. 183]. При этом близнецы

не обязательно должны быть соперниками. М. Ф. Альбедиль пишет о том, что в некоторых мифах, «когда один из близнецов погибает, другой воскрешает брата и восстанавливает его тело из своих костей, крови или частей тела» [1, с. 182]. На связь между мотивом двойничества в искусстве и литературе и группой мифов о близнецах обратил внимание В. В. Иванов [5, с. 176]. Усваивая из мифов ситуацию противостояния братьев-близнецов, литература выражает идею «двоичности мира, вариантности человеческой судьбы» [6, с. 101]. Действие в таких произведениях строится на раскрытии тайны рождения героя, объясняющей ряд странных совпадений и путаницы наличием у него брата-двойника. К примеру, так происходит в комедии древнеримского автора Плавта «Менехмы, или Близнецы» (в другом переводе на русский язык – «Два Менехма»), в «Комедии ошибок» Уильяма Шекспира, «Двойнике» Э. Т. А. Гофмана и т. д. «Особенно активно, – отмечает В. Н. Захаров, – эти возможности «близнецных» сюжетов осваивались в комических жанрах преимущественно в развлекательных целях, но уже в романтическую эпоху «близнецные» сюжеты приобрели философское и нередко трагическое значение» [6, с. 101]. Однако, как правило, в развитии ситуации двойничества, основанной на наличии у героя брата-близнеца, фантастика отсутствует, в отличие от других вариантов двойничества, когда, как, к примеру, в «Удивительной истории Петера Шлемиля» Шамиссо, идет речь о расщеплении человека, отчуждении от него части его собственного «я» как результат договора с дьяволом.

На первый взгляд, и в рассказе Эдогавы Рампо нет ничего фантастического. Преступление построено на зеркальном сходстве близнецов, что не так уж и редко в жизни. Сравнение образов близнецов («герой – его брат») в этом произведении выстраивается на системе семантических оппозиций: «бедняк – богач», «жених девушки – тот, кто стал ее мужем», «транжира – деловой человек», «убийца – жертва».

И в объяснении того, как был обличен преступник, тоже, как кажется, нет ничего фантастического: собственный отпечаток пальца был принят и преступником, и следствием за чужой (преступник решил, что он принадлежит его брату), а потом оказалось, что была допущена ошибка (на нее-то и обратил внимание следователь). Первоначальное заблуждение объясняется тем, что это был своего рода «негатив» отпечатка. «Правда, – замечает убийца во время исповеди, – это был не совсем обычный отпечаток. Он остался на странице дневника после того, как я вытер запачканный тушью палец. Иначе говоря, на бумаге отпечатался след от туши, застрявший в бороздках кожи. На языке фотографии это называется негативом» [8, с. 185]. Итак, появляется еще одна семантическая оппозиция: «черное – белое». В данном случае – «изображение на фото – его негатив». На ней строится объяснение того, почему герой был убежден в собственной безнаказанности и что стало основанием его обвинения. Сходный мотив присутствует в рассказе этого же писателя «Плод граната». В нем преступник, рассчитывая на тривиальность мышления следователя, прибегает к хитрости. Вначале он получает отпечатки пальца избранного им в качестве будущей жертвы соперника по бизнесу, а позже делает все для того, чтобы эти отпечатки были приняты полицией за его собственные. Следствие принимает убитого за его убийцу и перестает того разыскивать. Однако, если в рассказе «Плод граната» ак-

цент в развитии мотива выстраивания преступником защиты от следствия с помощью отпечатков пальцев был сделан на оппозиции «очевидное – действительное», то в «Близнецах» ключевую роль приобретает оппозиция «белое – черное» («снимок – негатив»). Эта же оппозиция имеет, на наш взгляд, особое значение в раскрытии того процесса, который произошел в душе преступника и вынудил его признаться в убийстве брата. В свою очередь, семантическая оппозиция «белая – черная» стороны отдельного «я» может быть основой включения в произведение мотива столкновения inferнального и сакрального.

Герой рассказа сообщает, что после того, как в нем проснулась совесть, он страшится **«мести убитого»** им человека [8, с. 162]. Он признается: «Его **призрак** неотступно преследует меня» [8, с. 162]; «...на другой же день после совершенного мной убийства с ограблением, мне стал являться **его призрак**» [8, с. 163]; «...все последующие события <...> совершились по воле его **мстительного духа**» [8, с. 163]; «...**дух** брата полностью завладел мною» [8, с. 164]. Исповедь, как кажется братоубийце, поможет ему избавиться «от необходимости бояться **его призрака**» [8, с. 165]. Свой же замысел убийства брата он теперь называет **«дьявольским»** [8, с. 168]. А вот как он описывает свое поведение в тот момент, когда обнаружил на одной из страниц в дневнике брата отпечаток пальца: «Недолго думая, я приготовился уже бросить ее в огонь, но тут... Тут меня осенила одна идея, и внушил мне ее, конечно же, не Бог, а **дьявол**. Я подумал: «А что если перенести найденный отпечаток на трафарет и использовать его, когда я захочу совершить новое преступление?» Казалось, сам **бес-искуситель** нашептывал мне на ухо эти слова» [8, с. 178] (везде выделено нами – В. М.). Возможность подобного мистического подтекста – одна из особенностей детективных произведений японского писателя. «Рампо, – пишет в связи с этим Г. Б. Дуткина, – ратуя за “чистоту” детективного жанра, до самых последних дней работал в совершенно ином направлении – в традиционном японском жанре “кайдан” (рассказов об ужасном), даже не подозревая об этом» [4, с. 16]. Особую популярность этот жанр приобрел в театре и литературе Японии, начиная с XVII века. Главные персонажи в нем – «юрэй» («мрачные духи умерших»). «Они, – пишет Екатерина Рябова в предисловии к составленному ею сборнику народных японских сказаний, – остались в мире живых ради исполнения какой-либо миссии, чаще всего мести. Их цель – появиться перед человеком и вступить с ним в контакт». Таким образом, ведущими мотивами жанра «кайдан» являются: **нарушение** моральных норм и, как результат, **вмешательство** в жизнь совершившего проступок человека сверхъестественного, **воздаяние** грешнику за его проступки. «Некоторые привидения, – пишет Е. Рябова, – тратят столетия для того, чтобы обрести мир, а некоторые так никогда и не находят его» [2, с. 12]. В отличие от рассказов об оборотнях, которые иногда имеют юмористический характер, рассказы в жанре «кайдан» всегда вызывают у слушателей ужас. Правда, отметив связь детективов Э. Рампо с этим жанром, Г. Б. Дуткина тут же уточняет, что в его произведениях «...волшебство носит прикладной характер. Оно не более чем средство художественного выражения, тонкий флер, приукрашивающий реальность. Главное для Рампо – запечатлеть “ужас души”, свою собственную тоску и смятение» [4, с. 17]. И сам герой «Близнецов» признается в том, что все переживаемое им

имеет, скорее всего, психологическое объяснение: «...**наваждение** стало просто невыносимым» (выделено нами – В. М.). В то же время противостояние «белого» и «черного» начал (нравственное двойничество), о котором он говорит, хотя и имеет психологическую природу, сохраняет в воображении героя-преступника мистический оттенок, поскольку иногда ему кажется, что управляющий им «черный» двойник – дьявол. Примечательно в этом отношении упоминание им «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» [8, с. 179]. «Близнецы» Э. Рампо и рассказ английского писателя-неоромантика Р. Л. Стивенсона сближает мотив передачи наследства одним из двойников другому. Доктор Джекил назначает мистера Хайда наследником в случае своей смерти или же своего исчезновения. Герой рассказа Э. Рампо сам берет на себя эту роль. Хотя, конечно, есть и принципиальное различие: не он оставляет деньги своему двойнику, а, напротив, забирает то, что принадлежит его брату, убивая его. Роднит произведения и наличие в них мотива зеркала. В рассказе Р. Л. Стивенсона оно давало возможность ученому следить за невероятными изменениями своей внешности, когда его черный двойник мистер Хайд полностью овладевал им. Мотив зеркала играет важную роль и в другом произведении английского неоромантика – «Маркхейм». Кстати, его герой тоже совершает убийство из корыстных побуждений. Когда антиквар, предложивший Маркхейму приобрести в качестве рождественского подарка невесте ручное зеркальце XV века, тянется за ним, с героем происходят странные метаморфозы: «...судорога пробежала по телу Маркхейма, у него затряслись руки и ноги, на лице отразилась буря страстей». Объясняя свое состояние, он говорит: «Ручное зеркало – это же ручная совесть!» [9, с. 466–467]. В этом рассказе Стивенсона также воссоздан ужас человека перед открывшимся ему его «черным» двойником: зеркало показывает то низкое, что присутствует в человеке и что он пытается скрыть от других. И незнакомца, с которым он встречается в доме убитого им антиквара и который подталкивает его к новому преступлению, он воспринимает как своего дьявольского двойника. «– Кто ты? – восклицает, увидев его, Маркхейм. – Дьявол?» [9, с. 477]. И далее: «...но неужели же половина моей натуры, худшая половина, всегда, до самого конца, будет одолевать лучшую?» – недоумевает он [9, с. 480]. В рассказах Э. Рампо мотив зеркала часто встречается и, как и у Р. Л. Стивенсона, имеет мистический подтекст. На это обратила внимание Г. Б. Дуткина в связи с рассказом этого автора «Путешественник с картиной», где герой признается в страхе перед всем, что для него связано с черной магией – оптическими приборами, которые человек воспринимает как «кусочек иного, потустороннего мира». «Магия зеркал и биноклей у Рампо физически ощутима, – пишет она, – это – окошко, приоткрывающее красоту inferнального. Даже в самых рациональных произведениях нет-нет да и проскользнет – пусть косвенно, мимоходом – намек на существование иного мира» [4, с. 18–19]. Это же относится и к таким рассказам Э. Рампо, как «Волшебные чары луны», «Ад зеркал». Добавим, что отсылка к произведениям Р. Л. Стивенсона есть еще в одном произведении Эдогавы Рампо – «Чудовище во мраке». В нем одной из версий преступления является то, что убийца избрал для себя роль «единого в двух лицах», и ключевую роль играет мотив наличия в душе человека «белого» и «черного» начал. И в этом плане не случайным является то, что раскаявшийся убийца

в рассказе «Близнецы» решается сообщить о совершенном священнику, а не следователю.

С одной стороны, в ситуации исповеди преступника накануне казни нет ничего необычайного. Однако вспомним, что он просит, чтобы об услышанном священник сообщил судье, присяжным и его жене. Что, собственно, противоречит тайне исповеди. Разумнее было бы обратиться к следователю. О том, что рассказ представляет собой исповедь тюремному священнику, заявлено и в его подзаголовке, что подчеркивает особую значимость этой детали. Можно предположить, что для преступника важнее не само по себе признание, а с ним и восстановление истины, но очищение души, освобождение ее от «черного» двойника. Не случайно убийца начинает и заканчивает свою исповедь словами о пробудившейся совести. При этом рассказ Э. Рампо оказывается в ряду тех произведений, в которых идет речь о переживании видящим призраком своей жертвы героем чувства вины за совершенное преступление (к примеру, Макбет и Банко у У. Шекспира, тайно умерщвленный своими сыновьями Фома и король Боснии Фома II в цикле П. Мериме «Гузла», зарезанный в вечер накануне Ивана Купала Ивась и его убийца Петрусь Безродный у Н. Гоголя и т. д.). Так и в «Близнецах» призраком – материализация совести братоубийцы.

Как и все произведения Эдогавы Рампо, рассказ «Близнецы», строящийся на ситуации преступления и его раскрытия, является детективным. Однако есть не меньше оснований судить о нем как о психологическом, а также мифопоэтическом произведении, основанном на мотиве двойничества. Он написан в форме исповеди убийцы, который оценивает с точки зрения себя в настоящем свои поступки в прошлом и тем самым пытается преодолеть своего демонического двойника – именно так он оценивает то разрушительное начало в себе, которое стало причиной падения и преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Альбедиль М. Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь / М. Ф. Альбедиль. – СПб. : Паритет, 2002. – 336 с.
2. Аокумо – Голубой паук. 50 японских историй о чудесах и привидениях / сост. и перевод с японского Е. А. Рябовой. – М. : Наталис, 2002. – 240 с.
3. Бардина Н. В. Античная матрица нашей души : монография / Н. В. Бардина. – Одесса : Астропринт, 2009. – 288 с.
4. Дуткина Г. Б. Мистификация длиною в жизнь / Г. Б. Дуткина // Демоны луны / Эдогава Рампо ; сост. и общая ред. Р. В. Гриценкова. – СПб. : Кристалл, 2000. – С. 5–20.
5. Иванов В. В. Близнечные мифы / В. В. Иванов // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – Т. 1. – С. 174–176.
6. Захаров В. Н. Библейский архетип «Двойника» Достоевского / В. Н. Захаров // Проблемы исторической поэтики. Исследования и материалы : межвуз. сб. – Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 1990. – Вып. 1. – С. 100–104.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Наука, 1976. – 407 с.
8. Рампо Э. Демоны луны / Эдогава Рампо ; сост. и общая ред. Р. В. Гриценкова. – СПб. : Кристалл, 2000. – 864 с.
9. Стивенсон Р. Л. Владелец Баллантрэ. Рассказы и повести : пер. с англ. / Р. Л. Стивенсон. – М. : Правда, 1987. – 592 с.

ВАЛЕНТИНА МУСИЙ

**СЮЖЕТНЫЙ МОТИВ ДВОЙНИЧЕСТВА В РАССКАЗЕ ЭДОГАВЫ РАМПО
«БЛИЗНЕЦЫ»**

Мотив двойничества в рассказе японского писателя Э. Рампо рассмотрен на нескольких уровнях. Во-первых, с точки зрения его места в развитии детективной линии сюжета: преступник занял место убитого им брата. Во-вторых, с точки зрения его места в анализе психического состояния героя, который смотрит на свой поступок глазами человека с пробудившейся совестью. Наконец, идет речь о мифопоэтическом подтексте этого мотива в произведении, о борьбе в душе героя-убийцы «белого» и «черного» двойников. При этом «черное» в себе он определяет как демоническое. Изучение мотива двойничества в рассказе «Близнецы» помогает сделать выводы об особенностях художественной манеры японского писателя Эдогавы Рампо, о следовании им как традициям японской литературы, так и усвоении им опыта писателей Европы.

Ключевые слова: мотив, двойничество, семантические оппозиции, мифопоэтика, психологизм, детектив, жанр, Э. Рампо.

VALENTINA MUSIY

MOTIVE OF DUALITY IN EDOGAWA RAMPO'S STORY «THE TWINS»

This article deals with the motive analysis of the story by Japanese writer E. Rampo «The twins». The aim of the paper is to study motive of duality in its connection with the poetics of the story, to investigate semantics and functions of duality. Motive of duality is reviewed at several levels. Firstly, its place in the development of the detective story lines was examined: the offender took the place of the murdered by him his brother, but later he repented and confessed. Secondly, motive of duality was examined from the point of view of its place in the analysis of the mental state of the hero who looks at his crime through the eyes of «another» person: the person which convicts itself and tries to die with a clear conscience. Finally, it is connected with the mythopoetic implications in the story and helps to discover psychological state of the hero: there are two counterparts in the soul of the hero-killer – «white» and «black». «Black» he defines as demonic. The study of motive of duality helps to make conclusions about Rampo's particular artistic manner and the proximity of his story, on the one hand, to traditional Japanese literature genre Kaidan (tales about the terrible), and, on the other, to European literature, particularly to literary works by R. L. Stevenson. It is first article fully devoted to the investigation of E. Rampo's story «The twins» in Russian and Ukrainian literary criticism, so it is of great help for the further studies in detective genre in Japanese literature and E. Rampo's work.

Key words: motive, duality, semantic oppositions, mythopoetic, psychological analysis, detective story, genre, E. Rampo.

Одержано 26.01.2016 р.